

Столовая в особняке герцога была огромной. Когда-то давным-давно это было место, где вместе с главой семьи жили и двоюродные братья с супругами, детьми и внуками, поэтому она так выросла, но сейчас в семье Эмбер было всего четыре человека.

Естественно было думать, что это было излишне большое пространство, особенно сейчас, когда в центре длинного стола сидела одна Беатрис, оно выглядело больше, чем обычно.

Она обычно всё делала в своей комнате. Однако, закрытие окна на закате стало источником всех проблем. В комнате стоял ужасный запах от сгоревшего шкафа, сгоревших мышиных тушек и еды, которая упала утром — всё это так и не прибрали, поэтому Беатрис не могла там есть.

Пока она ждала ужин, девушка подумала, что ей придётся пробраться в одну из гостевых комнат, чтобы поспать. Хотя Беатрис спустилась в столовую, потому что ей было негде поесть, ужин ей готовит не шеф-повар.

Это было очевидно, потому что горничная каждый раз приносила ей еду, которую готовила сама. Беатрис задумалась: «Что Мэй сделает с едой на этот раз?». Давным-давно она уже несколько раз приносила ей испорченную еду, а подмешивание земли или насекомых было бы слишком просто.

Сегодня днём Беатрис вела себя не так покорно, как обычно, поэтому она бы не удивилась, если бы в еде был яд. Когда девушка задумчиво посмотрела на белую скатерть безупречно чистого стола, дверь столовой открылась без стука.

Мэй, вошедшая с едой в одной руке, с нежной улыбкой поставила тарелку перед Беатрис. Это было ризотто с мясом, нарезанным на небольшие кусочки. Но еда не была холодной, как обычно, и приготовлена из высококачественных ингредиентов. Тарелка была совершенно теплой, а рис и мясо блестели.

«Я узнаю, как только съем».

Беатрис, над едой которой давно уже издевались, обладала талантом выбирать и есть умеренно. Она, не задумываясь особо, подняла ложку. Когда Беатрис это сделала, глаза Мэй, которая всё ещё стояла рядом с ней, заблестели. Её и правда было легко читать.

— Жди наготове за моей спиной. Слуги должны пристально наблюдать за тем, как едят их господа.

Мэй поморщилась, как только это услышала, видимо, она хотела собственными глазами посмотреть на искореженное лицо Беатрис, но, ворча, встала за её спиной. Обычно горничная оставляла еду и уходила, но сегодня днём она выглядела злой, поэтому Беатрис была уверена, что Мэй останется, чтобы смотреть на неё.

Девушка подумала, что может наконец-то начать есть, но дверь снова открылась без стука. Видимо все забыли, что стучать в дверь — это основа этикета.

Подняв голову, она увидела Феликса. Их глаза встретились. Он вошел в столовую и сел, по какой-то причине избегая её взгляда.

«Похоже, он пришел поужинать. Эта столовая принадлежит им, поэтому незваный гость здесь я, но не думаю, что они меня выгонят во время еды», — подумала Беатрис, но отложила ложку, чтобы увидеть, как друг за другом вошли ещё двое.

Нынешний герцог Каллекс и герцогиня. У неё было предчувствие, что это будет не самый комфортный ужин.

— Добрый вечер.

— Да, добрый вечер.

Герцогиня, сидевшая напротив неё, поздоровалась с Беатрис. Обычно они игнорируют друг друга, даже если случайно встречаются взглядами в коридоре, поэтому возникла неловкая атмосфера, даже если они этого не хотели.

«Это формальное приветствие, потому что мы будем вместе ужинать?»

Оба сына герцогини сели по обе стороны от неё. Чувствуя себя так, словно сидит перед экзаменаторами, Беатрис ничего не делала, просто сидела, опустив глаза на тарелку. Агата, которая молчала, словно в нерешительности заговорила с ней:

— Кажется, твой ужин уже готов, можешь приступать к еде первая. Нам тоже скоро подадут.

Взгляд Агаты быстро скользнул по еде Беатрис. Блюдо не выглядело странно, но оно было слишком простым для герцогской трапезы.

«Неплохо, но не похоже, что его приготовил семейный повар».

Когда она подняла глаза, чтобы убедиться, что личная горничная Беатрис позаботилась о её еде, Мэй стояла с мертвенно-бледным лицом.

«Это ещё что такое?»

Агата прищурилась.

Как только герцогиня дала разрешение Беатрис, та, думая о том, как после ужина пойдёт в другую комнату, начала запихивать в себя еду ложкой. Вкус не был ни странным, ни смешанным с посторонними веществами.

«Что это? Это яд?»

Однако, наказывать её — это одно, а убийство аристократа — это совершенно другая история.

Пока Беатрис была поглощена этим небольшим вопросом, два человека напротив неё думали о том, как начать разговор. Каллекс просто уставился на девушку, словно он ещё не верил в историю Агаты.

Но Беатрис была не настолько чувствительной, и он её совсем не интересовал, поэтому она даже не знала, что Каллекс на неё смотрит. Феликс и Агата обменивались взглядами.

«Малыш, начни разговор первым».

«Мама, я уже взрослый, а ты по-прежнему называешь меня малышом. И раз ты думаешь обо мне, как о ребёнке, то не проси о таком».

«И это всё, что ты можешь сказать своей маме?»

Но именно Каллекс заговорил первым после этого мысленного спора, который не дал никаких результатов.

— Беатрис. Я хочу тебя кое о чем спросить.

Однако, он не смог продолжить дальше. Всё из-за внезапной попытки Беатрис выплюнуть то, что она жевала на стол.

— Это так грязно...

Однако в следующее мгновение его хмурое выражение лица сменилось растерянностью. У неё на губах блестела еда и кровь. Каллекс подумал, не прикусила ли она язык, но Беатрис не остановилась на том, что выплюнула пищу, она сунула палец в рот.

Все трое, затаив дыхание, наблюдали за ситуацией, ничего не понимая. Беатрис, которая, несколько раз пошевелила пальцами во рту, высунула язык и нахмурилась. Они увидели иглу, вонзившуюся в кончик языка, и кровь вокруг неё. Беатрис схватилась за кончик иглы большим и указательным пальцами и вытащила её из своей плоти, а затем прижала к ране чистую салфетку.

Хотя крови было немного, но её пятна, усеявшие белую ткань, привлекли внимание.

— Тц.

У Мэй, которая цокнула за её спиной, было такое лицо, словно она вот-вот упадёт в обморок, но Беатрис не могла этого видеть, поэтому на этот раз она была немного удивлена.

Девушка обернула вынутую иголку салфеткой, отодвинула вместе с выплюнутой едой и начала рыться ложкой в тарелке. Она не обращала внимания на побелевшее лицо Агаты и лица двух своих старших братьев — растерянной и разгневанное.

Беатрис, порывшись в еде, нашла ещё с полдюжины иголок, вынула их и попыталась снова начать есть, но вдруг кто-то ударил по столу.

— Это...Это сейчас...

Это был Феликс. Беатрис посмотрела на него спокойным взглядом, в котором читалось: «Дайте мне поесть». Все трое были поражены и этим тоже и ничего не могли сказать. Она относилась к этой ситуации, как человек, который не в первый раз испытывал подобное. Несмотря на то, что в еде была игла, которая поранила её рот, Беатрис просто отложила её в сторону и начала есть снова. Агата почувствовала, как у неё закружилась голова.

— Если вы не хотите, чтобы я здесь ела, я могу подвинуться, — сказала Беатрис.

Теперь головокружение испытывали Феликс и Каллекс. Агата успокаивающе посмотрела на разгневанного младшего сына, а затем взглянула на личную горничную Беатрис, Мэй.

— Тебе что, нечего сказать?

— Я-я... Э-это...

— Нет, достаточно. И что я надеялась услышать от тебя?

Агата потрясла маленьким колокольчиком, который стоял на столе. Чтобы поговорить с Беатрис, герцогиня отослала всех слуг, но, если бы она знала, что подобное произойдёт, то не делала бы этого. Когда Мэй услышала звон колокольчика и приказ слугам вытащить её отсюда, то она громко охнула.

— Госпожа, госпожа! Выслушайте меня! — закричала жалобно горничная, но Агата её не слушала, а смотрела на свою испачканную дочь, сидящую перед ней.

Беатрис смотрела на герцогиню, нахмурившись и гадая, что происходит. Агата была растеряна, так как не понимала, где что-то пошло не так и с чего начать решать проблемы, которые привели к этому моменту.

— Объясни.

— Каллекс, для начала замолчи, — даже в такой ситуации Агата резко прервала и успокоила своего острого на язык первого сына. — Беатрис, я думаю, нам есть о чем поговорить.

— Я не понимаю, о чем вы.

На них сухо смотрели ярко-жёлтые глаза, означающие, что в ней течёт кровь герцога Эмбер. Агата снова вспомнила, что это её вина, что девочка закрыла свое сердце для всех остальных. Она должна действовать постепенно, даже если проблема сразу не решится, герцогиня подумала, что должна что-то сделать. Когда Агата посмотрела на дочь наиболее тёплым взглядом, Беатрис заметно нахмурилась.

— Всё это время мы были оторваны друг от друга.

Решительно начала Агата.

<http://tl.rulate.ru/book/60750/1641221>